

Типографский устав: Устав с Кондакарем конца XI – начала XII века / Под ред. Б.А. Успенского. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. I: Факсимильное воспроизведение; Т. II: Наборное воспроизведение рукописи / Подгот. текста, сост. словоуказателя и текстол. коммент. С.В. Петровой; Палеогр. коммент. В.С. Голышенко; Т. III: Исследования.

Издательство «Языки славянских культур» выпустило в свет, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и под эгидой Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, роскошное издание замечательного древнерусского памятника – так называемого Типографского устава (далее ТУ). Под этим названием в науке известен сборник, включающий Студийский церковный устав (неполностью) и Кондакарь и хранящийся в Государственной Третьяковской галерее (ГТГ) под шифром К-5349. Рукопись, вплоть до 20-х годов прошлого столетия привлекавшая пристальное внимание исследователей разных специальностей (см. литературу в [Сводный каталог 1984: 89]), после революции подверглась весьма непростым испытаниям: буквально спасенная известным искусствоведом А.И. Некрасовым из подвалов, куда были сосланы манускрипты бывшего собрания Синодальной типографии¹, она до 1957 г. пролежала в хранилищах ГТГ, пока выдающийся датский музыковед Карстен Хёг, издатель фундаментальной серии «*Monumenta musicae*

byzantinae», не обратился в советские инстанции с просьбой прислать ему для исследования микрофильм рукописи. Возражений сначала не последовало, и рукопись поступила на реставрацию, которая должна была предшествовать микрофильмированию, – однако в 1958 г. один из сотрудников Академии наук² выступил с заявлением «о недопущении отправки фотоконий кондакарей за пределы Советского Союза». В результате выполнение заказа на микрофильмирование было приостановлено «до опубликования соответствующих материалов отечественными исследователями – музыковедами». Это решение, впрочем, не повлияло на планы реставрации. К сожалению, к пергамену с текстом 800-летней давности были применены те же методы, которые использовались для «смягчения кожи кресел» в Кремле: уже через несколько лет рукопись стала погибать, и, пожалуй, наиболее явным и фатальным признаком умирания явилась невосполнимая и прогрессирующая утрата деталей рисунков и ча-

¹ Здесь и далее сведения об истории рукописи почерпнуты из весьма информативной статьи Е.В. Гладышевой, помещенной в III томе издания, с. 53–64.

² В статье Е.В. Гладышевой он именуется Бранниковым; не имеется ли в виду крупнейший исследователь древнерусского певческого искусства Максим Викторович Бражников, который в 1955 г. фототипически издал другой кондакарь – Благовещенский начала XIII в.?

сти записей, которые прекрасно читались еще в середине века и даже в 70-е годы.

Между тем «отечественных исследователей», готовых взяться за изучение ТУ, не находилось, и когда в 1964 г. с просьбой о микрофильмировании обратилась уже библиотека Йельского университета, в ГТГ вспомнили о приоритете К. Хёга и наконец отправили микрофильм в Копенгаген. В 1972 г. Устав был на год выдан в Ленинскую библиотеку «для работы О.А. Князевской, которая готовила его к публикации», – однако в 1974 г. рукопись была возвращена в ГТГ, но издание так и не появилось. Вместе с тем в подготовленных А. Досталом и Г. Роте и вышедших в Германии с 1977 по 2004 гг. пяти томах критического издания «Древнерусского кондакаря», в основу которого был положен текст Благовещенского кондакаря, кондакарная часть ТУ (по «надежному списку», изготовленному вручную Ф. Келлером) регулярно использовалась как для подведения разночтений, так и для публикации ряда песнопений, отсутствующих в других списках [Der altrussische Kondakar' 1977–2004]. В начале 90-х гг. была проведена повторная реставрация ТУ – на сей раз высококвалифицированными специалистами Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И.Э. Грабаря – М.А. Волчковой и Т.Б. Рогозиной под руководством Г.З. Быковой.

И вот, наконец, в 2006 г. долгожданное издание многострадальной рукописи осуществлено под редакцией одного из ведущих филологов современности, Б. А. Успенского, который еще в 1973 г. в знаменитой работе «Древнерусские кондакари как фонетический источник» [Успенский 1973] на основе сопоставления обычного текста песнопений с так называемым «растяжным» письмом подробно описал некоторые фонетические черты рукописи, позволяющие реконструировать древнерусское произношение.

Первый том издания содержит достаточно высококачественное черно-белое факсимильное воспроизведение рукописи, которое позволяет, с одной стороны, de visu ознакомиться с текстом памятника и с его главной особенностью – до сих пор не расшифрованной певческой нотацией, а с другой стороны – воочию убедиться в невосполнимых утратах текста и рисунков, павших жертвами роковой «реставрации» 50-х годов (см., например, трудночитаемый текст на обеих сторонах листа 14 или рисунок на л. 18, рядом с которым когда-то читалась запись *Оухъ мнѣ грѣшьникоу*). Хотя после повторной реставрации новых признаков угасания текста не отмечено, издание факсимиле служит залогом того, что ТУ теперь уже все-

гда, вне зависимости от каких-либо изменений в рукописи, будет доступен для исследования.

Второй том состоит из двух частей – наборного воспроизведения текста с комментариями (с. 5–278) и словоуказателя (с. 279–454). В издании текст воспроизводится полностью, за исключением нотных знаков (хорошо различимых и на факсимиле), с разделением на слова и введением переносов; в ряде случаев издательнице, С.В. Петровой, при помощи электронного увеличения сканированного текста рукописи удалось прочесть буквы, уже не читаемые невооруженным глазом. Следует с удовлетворением констатировать, что наборное издание в основном правильно, почти без отклонений, передает сложный текст устава и песнопений, который, как пишет С.В. Петрова, нередко приходилось «в буквальном смысле расшифровывать» (с. 7; прежде всего это относится к постоянным сокращениям слов в уставной части); в то же время необходимо заметить, что песнопения, входящие в кондакарную часть, уже опубликованы, иногда по другим спискам, иногда непосредственно по ТУ, в немецких изданиях Кондакаря и Минеи [Der altrussische Kondakar' 1977–2004; Gottesdienstmenäum 1996–2006], что, естественно, облегчило задачи издательницы. Лишь в немногих случаях мы столкнулись со странными написаниями, которые при сверке с факсимиле оказались либо опечатками (л. 37, с. 99: *наоне* вместо *ноане*; л. 39 об., с. 104: в форме *гнѣ* пропущено титло; л. 45, с. 115: в форме причастия *въвържены* не поставлен знак переноса, так что она превращается в словосочетание *въвърже ны*; л. 62, с. 149: местоимение следует читать как *тебѣ*, а не *тѣве*), либо результатом неверного прочтения: на л. 10 об. (с. 46) нет инновационной формы сравнительной степени наречия *първѣи*, с маловероятной в начале XII в. редукцией конечного [е], – на снимке явно читается конечная буква *к*.

В отдельных случаях вызывает возражения словораздел. Так, хорошо известное и зафиксированное в словарях наречие *наоутрнѣ* не следовало бы делить на сочетание предлога с вин. падежом мн. ч. существительного «*оутрнѣ*» (с. 43), равным образом и существительное *навечернѣ* не надо было разделять на предлог *на* + «*вечернѣ*» (с. 248); при наличии в словарях лексем *долѣлѣганнѣ* и *долѣсѣданнѣ* вряд ли стоит выделять словосочетание наречия с существительным *долѣ сѣданнѣ* (с. 43). Напротив, конструкцию с винительным места, образованную сочетанием местоимения *оба* с формой двойственного числа существительного *полѣ*, – *оба полы* [Крысько 2006: 56] – едва ли правомерно соединять в одно слово *обаполы*

(так на с. 37, но на с. 47 уже раздельно, а в словоуказателе – опять слитно); сомнительное существительное *запокон* (с. 69), на наш взгляд, является обычным сочетанием предлога *за* и вин. падежа *покон* (ср. соврем. *за упокой*); сложное прилагательное *многолюбимъ* (с. 73, 360) с «соединительной гласной» ъ легко распадается на два слова, относящиеся к разным словосочетаниям: *Миръ много любимиъ зако(н)*³, ср. греч. *Εἰρήνῃ πολλῇ τοῖς ἀγαπῶσι σε*⁴. Трудно согласиться с раздельным написанием *не домышляю сѧ* (с. 104) на фоне правильного *не домыслать... сѧ* (с. 149): в обоих примерах фигурирует не глагол *домыслитсѧ-домышляйтсѧ*, а лексема с отрицательной приставкой, соответствующая геср. греческим *ἀμεχανῶ* и *ἀποροῦσι*; наоборот, на с. 188 форму глагола с отрицанием *не възврани*, конечно, следовало бы напечатать раздельно (как и сделано в словоуказателе). Разделение сложного слова *пастыреначальникъ* (ср. [Сл XI–XVII, 14: 167]) в звательной форме *пастыреначальниче* (*ποικενάρχῃ*) на две – *пастыре* *начальниче* (с. 235) – создает неисконную форму вокатива **jo*-основного существительного *пастыре* (так и в словоуказателе), что вряд ли служит к обогащению наших знаний по истории именного склонения. Совершенно непонятно слитное написание *не* и даже *ни* с действительными причастиями на с. 276, не имеющее оправдания ни в греческой, ни в русской орфографии, ср. правильный слово-раздел: *лица ихъ посрами · не покланяюцихъ сѧ ни чытоущихъ прѣчистага · чыстнааго образа твоего* (*τὰ πρόσωπα καταίσχυνον τῶν μὴ προσκυνοῦντων μὴδὲ τιμώντων, Πάναγνε, τὴν σεβάζουσιν εἰκόνα σου*). Особенно странно выглядит практически неизменно повторяющаяся в наборном тексте форма «наречия» *непрѣстан* (так и в словоуказателе, а также в III томе, с. 145)⁵, которая на самом деле представляет собой сочетание частицы *не* с повелительным наклонением *прѣстан* в соответствии с греч. *μὴ παύσῃ* букв. ‘не переставай’⁶.

³ Здесь и далее выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках; знак мягкости не воспроизводится.

⁴ Здесь и далее греческие параллели, как правило, подведены автором рецензии по различным источникам, не указываемым из соображений экономии места.

⁵ Единственное отрадное исключение – *не престан · молити о всѣхъ* (с. 120).

⁶ Об обороте с *παύσθαι* + причастие, регулярно калькировавшемся в древнеславянском, см. хотя бы в учебнике [Черный 1885: 200].

Трудно признать удачным принятый в публикации способ слитной передачи некоторых сочетаний с предлогами *на-з*, маскирующий предложно-падежный статус соответствующих форм, типа *всѣмѣне*, *вещьтениа*, *всѣпоны*, *ищерева*, – и в научно-исследовательской, и в словарной, и в эдиционной практике для этих случаев давно уже принято написание через дефис (*ве-сѣмѣне*, *ве-щьтениа*, *ве-сѣпоны*, *и-щерева* и т.п.). Традиционным, но едва ли верным является раздельное написание постфикса (т.е. морфемы!) *сѧ* в контактной постпозиции, типа *оудоври сѧ* (в настоящей рецензии такие формы пишутся слитно).

В целом же, повторим, наборный текст демонстрирует весьма тщательное воспроизведение драгоценной рукописи, которая тем самым впервые полностью вводится в научный оборот.

Публикация текста снабжена подробными, если не сказать исчерпывающими, палеографическими примечаниями, выполненными ведущим специалистом по восточнославянской палеографии раннего периода В.С. Голышенко, и текстологическим комментарием С.В. Петровой. В комментарии нередко встречаются тонкие наблюдения и важные дополнения; порой издательница удачно восполняет пропуски текста в ТУ выписками из других источников (ср., например, завершение контекста, бессмысленно обрывающегося на изолированной форме *страдальными*, с помощью восстановленного по другому кондакарю чтения *просвѣтитъ кси моукми* – с. 98), иногда прибегает к греческим оригиналам, опубликованным в немецком издании Кондакаря, для разъяснения ошибок, возникших при переводе либо при последующей переписке текста (ср., в частности, эмендацию *искапивъши* *вм. искавъши*, опирающуюся на *искапивъши* в другом списке и греч. *ἐπιστάξασα* – с. 116, или исправление *вѣжи* *вм. вѣжию* в соответствии с греч. несогласованным определением *τοῦ Θεοῦ* при существительном *ἔλεος* / *милость* – с. 99). Вместе с тем считаем необходимым заметить, что некоторая лапидарность и логически не всегда обоснованная избирательность комментария вступают в определенное противоречие с принципом, сформулированным во введении к наборному изданию: «Количество текстологических комментариев... определяется количеством "темных" мест в тексте рукописи» (с. 7). В последнем абзаце введения к своей публикации С.В. Петрова полностью воспроизвела (очевидно, солидаризировавшись с ним) «категоричное суждение» И.В. Ягича о славянском переводе гимнографических текстов, главной отличительной чертой которого была признана «неудобопонятность» (с. 9), –

однако уже сама лаконичность комментария, как нам кажется, свидетельствует, с одной стороны, о том, что это заключение классика сильно преувеличено (при внимательном чтении очень немногие из кондакарных текстов могут остаться непонятными), с другой же стороны – о том, что не все «темные места» ясны самой издательнице.

Так, без должного комментария осталась форма **оувѣрѣ** в контексте **апостольство оувѣрѣ дѣво** (с. 85) – **ἀποστολὴν πιστεύη**. **Παρθένε** букв. 'ты облечена апостольством, тебе доверено апостольство'. В соответствии с греческим пассивом славянский глагол совершенно правильно оформлен суффиксом состояния **-ѣ-**, т.е. в данном случае мы имеем дело не с обычным каузативом **оувѣрити** (впрочем, рассматриваемая форма выписана как **оувѣри** в растяжном тексте, с. 86), а с нигде более не зафиксированным глаголом состояния **оувѣрѣти**, который корреспондирует с постфиксальным декаузативным глаголом **оувѣритиса** 'получить во вверение' [Срезн., III: 1126], ср. пары типа **обогаѣти** – **обогаѣтиса**, **отѣготѣти** – **отѣготѣтиса**; в словоуказателе, однако, форма на **-ѣ-** подверстана под глагол **оувѣрити** (получающийся при этом «смысл» – «ты уверила апостольство» – по-видимому, не смущает издательницу). Поданная без каких-либо комментариев и в указателе охарактеризованная как имен. падеж форма причастия **Оуневѣстивъшиса** при такой квалификации никоим образом не способна прояснить текст, ср.: **Оуневѣстивъшиса хѣи • моучениа ради • варъвароу съшьдъшеса • почътѣмъ достоинно** (с. 108); здесь, очевидно, имеет место использование формы номинатива вместо аккузатива, т.е. для придания тексту грамматического смысла следовало бы эмендировать форму как **Оуневѣстивъшюса** – определение к **варъвароу** (ср. греч. **Τὴν νυμφευθείσαν... Βαρβάραν**); именно с этой формой разбираемый текст опубликован в издании декабрьской минеи [Gottesdienstmenäum 1996: 126]. Глагол **приндемъ** в контексте **житие съ миръмъ да приндемъ** и в соответствии с греч. **διέλθωμεν** (с. 108), несомненно, должен анализироваться как **приндемъ** – со смешением приставок **пре-** и **при-**. Написание глагола **и пою** (с. 103) без греческой параллели – **λέγω καὶ ψάλλω** – производит впечатление ошибочного, вместо глагола **и пою** (членная форма причастия); думается, что комментарий: «глагола **и пою** в соответствии с греч. **λέγω**» – был бы вполне уместен.

Безусловно заслуживает анализа уникальная форма **нѣ**, оставленная в издании без всякого комментария (с. 198): ее статус едва ли определим на основе контекста (**Хлѣбъ при-**

**мъ • въ роуцѣ прѣдатель • отан нѣ прости-
раа**), и только сопоставление с греческим (**κρυφίως αὐτὸς ἐκτείνει**) позволяет предположить, что здесь выступает восточнославянская форма вин. падежа мн. ч. жен. рода местоимения ***н** – **ѣ**, соотносящаяся с двойственным числом **роуцѣ**, но сохраняющая мн. число греческого оригинала (если бы это была форма дв. ч., как полагает С.В. Петрова (с. 336), она должна была бы в мягком варианте иметь окончание **-и**, а влияние твердого варианта [**тѣ**, **онѣ**] на мягкий в рассматриваемой рукописи не отражено). Наибольшую сложность составляет начальное **н**: приходится предположить, что это вторичное «наращение» обязано своим возникновением влиянию предложных форм типа **въ ню**, **съ нею**, **за нь** и т.п.

Иногда отсутствие комментариев, по-видимому, продиктовано доверием к квалификации читателя, который должен сам оценить корректность того или иного написания рукописи. Прежде всего это относится к фиксации описок, далеко не всегда последовательной. Так, в комментарии не оговорены явно ошибочные написания (**Въ**) **мърѣхъ** вместо **мърѣхъ** или **мѣрѣхъ** (с. 109), **издтъ** вм. **издтъ** (с. 110), **вещьсьнын** (с. 120), **плътъню** (с. 124), **момолащаса** (с. 155; в словоуказателе – **молащаса**, и, следовательно, узнать, что это описка рукописи, а не опечатка издания, можно только при обращении к факсимиле), **отиноутъ** (с. 206), причастие **прославлянса** вм. **прославлянса** (с. 246; в словоуказателе дано как вполне нормальная форма). Оставлена без комментария и форма **огродивъса** (с. 113); в указателе она помещена под полногласной леммой **огородитиса**, хотя более вероятным представляется искажение первоначального **огродивъса** как результат повторения гласной предыдущего слога. В одном случае вероятная (но не оговоренная) описка рукописи послужила основанием для выделения сомнительной лексической единицы: речь идет о загадочной форме **градъ** в зачале песнопения **Тѣ градъ и станице** (с. 70; в словоуказателе – **градъ** *сущ. м.*); думается, что это искаженное **градъ**, где **ѣ** возникло на месте **ѣ** под влиянием **ѣ** в предыдущем слоге (по-видимому, это инципит богородичного тропаря, который в греческом звучит как **Σὲ τεῖχος καὶ λιμένα**, ср. перевод **теῖχος** посредством **градъ** в ряде памятников [Истрин 1930: 181; ИИБ, 2: 737; Gottesdienstmenäum 2003: 201]).

Порой автор комментария считает нужным оговаривать смешение **е** и **ѣ**, однако непонятно, почему такие банальные примеры, как **пзгыце** вм. **пзгыцѣ** (с. 105) или **илнк** вместо **илнѣ** (с. 169), заслуживают комментария в большей степени, чем оставшиеся неоговорен-

ными, но на удивление многочисленные написания с *є* вместо *ѣ* и наоборот, типа *кдѣтъ*, *разоѹмевын*, *каплѣ* (звательная форма, *вм. каплє*), *видѣхомъ*, *въскоре*, *темь*, *место*, *тело*, *жидовѣ*, *сѣнеденъ*, *оврете* и *мн. др.*, или замена этимологического юса большого на ю в формах *мюченника*, *мюченикомъ*, *глювинѣ*, *неизмѣнню*, или стяжение в форме *три десѣтъ* (*вм. трини*), или форма причастия прошедшего времени *възлегы* *вм. възлегы* (с. 88), или необычный императив *видѣмъ* (с. 117 – влияние глаголов I–II классов?).

Не упомянуты в комментариях и весьма любопытные в силу их редкости примеры развития протетического [j] после гласной перед [y]: *яко юспешно* (с. 90), и *ючитѣла* (с. 94), *моужьюмнаа* (с. 108), *ако ювадилъ* (с. 127) (см. о таких случаях [Соболевский 2006: 282]). Несмотря на то, что Н.Н. Дурново в свое время привел список восточнославянизмов в Уставе [Дурново 1924: 82–83], ни в его статье, ни в комментариях к рецензируемому изданию не нашла отражения – как яркий русизм – форма причастия *пекаса* (с. 196). Обратив один раз внимание на любопытную конструкцию с *вин. падежом* при возвратном глаголе: *озарышисѣ · свое срдце* – и охарактеризовав этот винительный как форму прямого дополнения (с. 153) (тогда как в действительности это калька греческого винительного отношения [Крысько 2006: 112–113]), С.В. Петрова проигнорировала другие аналогичные обороты: *тѣло во и дѣю... волѣзною* (с. 135) – τὸ σῶμα γὰρ καὶ τὴν ψυχὴν... ὁδυνῶμαι; *свою главоу оустѣченъ вы(с)* (с. 140) – τὴν σὴν κάραν ἐτιήθης; *оудокрисѣ... дѣю* (с. 157) – κεκαλλώπισαι... ψυχὴν; *Осквърнышенсѣ срамно · своа срдца* (с. 180); не отмечено и сочетание возвратного глагола с настоящим объектным винительным (впрочем, тоже калька с греческого) – *посѣченик · смокъве оубоавъшесѣ* (с. 196; ср. греч. τὴν ἐκκοτὴν τῆς συκῆς δειλιάσασα).

Комментарии лингвистического порядка, к сожалению, не свободны от ошибок. Так, в форме местного падежа *о ѣи* окончание *и* отнюдь не возникло «*вм. ѣ*» (с. 29, 34), а является исконной, правильной флексией **i*-склонения, к которому изначально и относилось существительное *господь*, лишь позднее подвергшееся в некоторых формах влиянию **o-*, **jo-* и **и-* основ. В словосочетании *По коньчани* же *оутръни* выступает совершенно правильная форма приименного дат. падежа мягкого склонения (ср.: *земля* – *земли*, *синяя* – *синии*), и, следовательно, *-ни* вовсе не «*вм. -ѣи*» (с. 39). Едва ли правомерна трактовка написания *почърпѣша*, соответствующего причастиям *почърпѣша* в другом списке и *ἀντλήσαντες* в греческом, как «искаженной формы аор<ис-

та>» (с. 164): логичнее предположить здесь простое графическое смешение букв *ѣ* и *ѣ*, отнюдь не меняющее причастного статуса формы. Несколько превратные представления автор комментария имеет относительно консонантного склонения: так, *невесе* является не инновационной формой местного падежа вместо «этимологически правильного» *некеси* (с. 175; аналогично – с. 194, о форме *на жребѣте*), а, напротив, исконной формой, хотя и рано вступившей в варьирование с образованиями на *-и*; в то же время действительно неисконные формы согласных основ – *въ чюдесѣхъ* (с. 112), *чюдесѣми* (с. 122), *четырь* (с. 136) – оставлены без комментария. На фоне введенных в последние годы в научный оборот далеко не малочисленных новгородских примеров с финалью *-га* в соответствии с обычным *-го* [Зализняк 2004: 127, 152; Крысько 1998: 84] при оценке написания *новаага*, может быть, не стоило бы ограничиваться кратким замечанием «*вм. новааго*» (с. 105).

Среди весьма немногочисленных и осторожных эмендаций издательницы есть и такие, с которыми мы не можем согласиться: так, в контексте *яко захарикъ и авелева пасно · въпиеть твоя крѣвь к ѣоу* форма *захарикъ*, оказавшаяся в конце строки, должна, как мы полагаем, быть дополнена недописанным *-ва* – т.е. мы скорее имеем здесь дело с притяжательным прилагательным *Захариевъ*, однородным с последующим посессивом *Авелевъ*, нежели с род. падежом *захарикѣ*, записанным со смешением *є* и *ѣ* (с. 97); написание *непрестанъ* в сочетании с причастием *мола* и на фоне императива *не престани* в других списках едва ли должно реконструироваться как наречие *непрестанно* (с. 98): такая реконструкция оставляет предложение без предиката (ср. правильное чтение в других списках: *съ нимиже ѣа мола не престани о въсѣхъ насъ*). В конструкции *члѣвчское кстѣство възѣтѣсѣ* в последней форме *ѣ* отнюдь не написан «*вм. о*», и средний род подлежащего здесь ни при чем (с. 167): разумеется, никакой формы «*прич. п<рош>. страд.*» (с. 308) *възѣтѣсѣ* не существовало, и в тексте фигурирует обычная форма аориста с наращением – *възѣтъ(сѣ)*.

Не всегда исчерпывающи обращения к греческим оригиналам: так, для объяснения формы *Рачителю* (с. 93) в соответствии с греческим причастием *ἐραστής* «*страстно полюбив*» следовало бы указать на весьма близкое по звучанию существительное *ἐραστής* «*ревнитель*», с которым при переводе и было смешано причастие.

Поскольку греческие параллели к большинству текстов кондакарной части ТУ (по печатным источникам) уже опубликованы А. До-

сталом и Г. Роте, отсутствие греческих оригиналов в рецензируемом издании, пожалуй, можно признать оправданным (ср., однако, недавние издания декабрьской минеи, Жития Андрея Юродивого, Студийского устава, первых десяти дней Путятиной минеи, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, Ильиной книги, сопровождающиеся (ре)публикацией греческих источников). Единственное, что вызывает сомнения, – доступность немецкого издания «Древнерусского кондакаря» для российских читателей ТУ.

Важную часть второго тома составляет словоуказатель, или, точнее, указатель слов и форм. С.В. Петрова провела огромную работу по выявлению и грамматической идентификации всех словоформ, представленных в основном тексте ТУ, включая служебные части речи, а также буквенные обозначения чисел. Словоуказатель составлен с русле той позитивной тенденции, которая характеризует ряд последних изданий древнерусских памятников и заключается в первичной лексикографической обработке словарного материала, иначе говоря – лемматизации, т.е. выделении заголовочных слов. Следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев заголовочные формы и грамматические признаки словоформ определены правильно. Однако, как чаще всего и бывает со словоуказателями, именно лемматизация вызывает наибольшие нарекания. Поскольку в эдиционной практике все еще не выработаны общие принципы и правила создания словоуказателей к древнеславянским памятникам, думается, что подробный разбор неточностей и непоследовательностей в указателе к ТУ послужит на пользу дальнейшим разработкам в этом направлении.

С.В. Петрова осуществляет выбор начальных форм по трем критериям, которые далеко не всегда совместимы и не всегда выдерживаются: заглавные формы либо 1) берутся прямо из текста, либо 2) реконструируются, а при наличии «графико-орфографических вариантов» 3) в качестве основного выбирается наиболее частотный или первый встретившийся вариант (см. с. 281).

Следование первому критерию приводит к тому, что в качестве основной выделяется порой необычная или вторичная форма – ср., например, написания без редуцированных *вечернин*, *вечернѣ*, *вечернѣа*, *чтеник* (на основе написаний без ѣ в имен. падеже, но при наличии в материале формы с ѣ – *вещьте-ниа*), леммы с незтимологическим редуцированным *донѣдеже*, *плодѣствити*, написание со вторым полногласием *зѣрьцало*, формы с е вместо ѣ и наоборот – *ксти*, *роукоденство*, *жидовѣ*, вторичный инфинитив *распростѣрети* и

даже *ювадити* – с перенесением на инфинитив морфонологического изменения, ставшего возможным только в контексте после гласной (*ѣко ювадилѣ*). Непонятно, почему из двух предлогов на -з (которые, как хорошо известно, изначально были безъеровыми) для первого за основную принимается вторичная форма *везѣ*, а для второго – *изѣ*: неисконные написания с ѣ отмечаются в обоих случаях, и также в обоих случаях – в меньшинстве употреблений.

Кроме того, последовательное применение первого критерия влечет за собой нарушение единства словообразовательных гнезд: так, слово *дѣва* помещено в указателе на своем алфавитном месте, в конце буквы *Д*, наречие *дѣвонци* – в начале буквы *Д* без редуцированного (поскольку так оно пишется в рукописи), а также – еще раз – под буквой *В* (!) – поскольку иногда оно записывается с помощью буквенного обозначения числа 2 – *ѡнци* (в то же время написание *наѣк* – т.е. *надѣвое* – занимает алфавитное место после *надежа*); существительное *зѣвание* поделено на два: первый раз – в виде *зѣаник* – оно занимает алфавитное место сразу после *защитити*, поскольку на л. 57 написано без редуцированного, второй раз – после наречия *зѣшды* (т.е. *семишды*!) – в виде *зѣваник*, перед глаголом *зѣвати*; прилагательное *зѣловѣрьнын*, на основе единственной встретившейся в рукописи формы – *зловѣрьнын* – помещено после *златын*, тогда как существительное *зѣловѣрик* – после *зѣло*. Для префиксальных форм *сѣзѣда*, *сѣзѣдавын*, *сѣзѣдани* и т.п. инфинитив реконструируется с учетом межслогового сингармонизма – *сѣзѣдати*, однако для настоящего времени с основой *зижд-* начальная форма звучит уже как *зѣдати*. Порядковое числительное *третин* появляется в словоуказателе дважды – как *третин* и (под буквой *Г*) как *гѣ* (почему-то не *гѣи*, как пишется во всех примерах с имен. падежом); к последней лемме ошибочно подключена форма «мн. дат.» *гѣимѣ*: на самом деле за написанием *гѣимѣ* (*стихомѣ*) скрывается дат. падеж мн. ч. собирательного числительного *трон* – *тронимѣ*. Пользователь словоуказателя напрасно будет искать наречие *тришды* на букву *Т*: оно помещено в конце буквы *Г*, под леммой *гѣшды* (так же как *четыришды* – на букву *Д*, перед *дѣва*, а *пѣтишды* – на букву *К*/Ѧ, но почему-то не в конце ее, а перед *евангелик*). Совсем непонятно помещение формы *равночисльнѣа* (т.е. с ерем, выписанным в тексте) под леммой *равночисльнын*. Нарушение первого критерия имеет место и в случае с корнями *вѣс-* и *мѣног-*: наречие *вѣско*, фигурирующее в тексте только один раз именно в таком написании – без редуцированного, тем не менее дается в словоуказателе под леммой

всѣако, то же относится к наречию **многашьды**, помещенному под леммой **мъногашьды**.

Трудно согласиться с подачей под отдельными леммами членных и нечленных форм прилагательных и местоимений, что приводит, в частности, к разбиению на две леммы прилагательного-причастия **всемоуын** (-ан) – в отдельную статью выделяется именная форма **всемоуѣща** (но, вопреки принципу, лемма выводится с редуцированным!), или местоимения **къждо** / **кынждо**, или прилагательного **прѣблагословленын**, членные формы которого даны под леммой **прѣблагословленын**, а нечленные – на другом алфавитном месте, под леммой **прѣблагословленъ**; особенно огорчительно разделение лемм **овъ** и **овын**, при том что вторая представлена только родительным-винительным **ового** – т.е. правильной формой от **овъ**.

Непонятно, почему вопреки заявленной во введении к словоуказателю установке – фиксировать все словоформы, «написанные основными писцами» (с. 281), – в указателе регулярно отражаются результаты позднейшего поновления текста, а именно формы типа **блгодѣтню**, **блгодѣтелю**, **тебѣ** (дат. падеж), **песнь** и т.п. (с. 216), в которых, согласно палеографическим примечаниям, «е написана по-верх ѣ» – т.е. у «основных писцов» это были правильные формы **блгодѣтню**, **блгодѣтелю**, **тебѣ**, **пѣснь**.

Реконструкция начальных форм (согласно второму критерию) не всегда проводится последовательно: так, для вин. падежа **гърдыню** имен. падеж восстанавливается в неисконном облике – **гърдына**, а для **простыню** – в виде **простыни** (в пользу выбора исконной формы на -и свидетельствует отмеченный в тексте номинатив **сѣатыни**). При отождествлении спрягаемых и причастных форм с инфинитивами С.В. Петрова, к сожалению, допустила целый ряд досадных ошибок: так, форма **движѣтсѧ** (от **движитисѧ**) помещена под **двигатисѧ** (у которого 3-е л. мн. ч. звучало бы как **движоутсѧ**), презентные формы **ждѣтъ** и **ждоу(т)** – под несуществующим инфинитивом **ждати**, тогда как к правильному инфинитиву **ждѣти** отнесен только аорист **ждѣхъ**; на основе повелительного склонения **излѣимы** выводится инфинитив **излѣяти** (в действительности в этом глаголе представлено чередование инфинитивной основы **лнѣ-** с презентной **лѣѣ-**); причастие **крѣщающасѧ** отнесено к парадигме **крѣститисѧ** (должно быть **крѣшатисѧ**); причастия **обѣшини** и **сѣмѣшь** следовало бы включить в парадигмы глаголов **обѣсити** и **сѣмѣсити**, а не **обѣшати** и **сѣмѣшати**; **окаменѣоуо** – причастие от пере-

ходного глагола **окаменѣти**, а не от глагола состояния **окаменѣти**; в инфинитиве глагола **осѣпноути** не стояло помещать ѣ после п – этот ѣ входит только в состав суффикса причастия прошедшего времени -ѣш- (*-ис-); имперфект **остѣпааше** относится к парадигме глагола **остѣпати**, а не **остѣпити**; причастие **падѣшааго** нужно было поместить под леммой **пасти** «пасть», а не под **падати**, аорист **повѣже** – под **повѣгнути**, а не **повѣжати**; аорист **постиге** фигурирует в указателе в двух местах – под **постигати** (что неверно) и под **постигнути** (что верно); для форм **процвѣтѣть**, **процвѣте**, **цвѣтоути** и т.п. инфинитивы ошибочно реконструированы без аблаута – в виде **процвѣсти**, **цвѣсти** вместо правильных **процвѣсти**, **цвѣсти**; инфинитив к **сѣмотрите** должен восстанавливаться в виде **сѣмотрити**, а не **сѣмотрѣти** (это позднейшая форма); инфинитив к причастию **сѣпогребѣшесѧ** – не **сѣпогребстисѧ**, а **сѣпогребтисѧ**; **сѣде** – аорист от **сѣсти**, а не от **сѣдѣти**, **оувадоша** – от **оувадноути**, а не от **оувадати**; форма **оуваземсѧ** относится к парадигме **оуваститсѧ**, а не **оувазатисѧ** (ср. правильное отнесение **оуваземъ** к глаголу **оувасти**); формы **оусъноуѣ**, с одной стороны, и **оусъпе**, **оусъпѣшаа** и т.п. – с другой, напрасно разнесены по двум леммам – **resp.** **оусъноути** и **оусъпноути**: вторая лемма фиктивна; причастие **оущедрѣа** следовало бы отнести к парадигме **оущедрѣти**, а не **оущедрити**. С.В. Петрова (вслед за изданием [ИИВ]) вводит в систему глагольных конструкций новую категорию – «будущее в значении долженствования», куда зачислены традиционные для церковнославянского синтаксиса конструкции с союзом **да** и презенсом (либо настоящим в значении будущего), типа **да примемъ**, которые, однако, вовсе не выражают долженствования значения и переводятся на современный язык посредством **чтобы** + прошедшее время ('**чтобы** мы приняли').

Ошибки, к сожалению, встречаются и при лексикографической обработке других частей речи. Так, на основе род. падежа сравнительной степени **краснѣнша** нельзя выводить номинатив **краснѣншь**: для этой парадигмы характерно сосуществование имен. падежа муж. рода на *-jъs > -jъ (**краснѣн**) с косвенными падежами на *-jъsj- > -jъш- (**краснѣнша**). Начальная форма притяжательного прилагательного **крѣстителевъ**, представленного в тексте формой **кр(с)тлевоу**, с ясно написанным суффиксом -ѣв-, почему-то приведена в указателе в виде **крѣстительвъ**. Начальная форма географического названия, выступающего в памятнике только в мест. падеже мн.ч. – **мѣрѣхъ** и т.п., – никак не может быть восстановлена в виде **Мѣры**, поскольку окончание -ы в номина-

тиве *pluralis* возможно только у существительных жен. рода, которые в принципе не имели локатива на *-ѣхъ*. Форма *настоящую* в контексте *отъжени скърби* [вм. *скърбъ*] *настоящую* является не «прич.-прил.» с начальной формой *настоящи*, а обычным причастием от глагола *настоати* 'наступать' (в греческом — *ἐπέρχομεν*). Частица *не*, вопреки словоуказателю, ни разу не пишется в памятнике как *нѣ* (с. 366): на л. 13, строка 2 (*нѣ въ кыи днѣ*) *нѣ* — это приставка неопределенного местоимения *нѣкыи*. Частица *понѣ* дана в указателе без частеречного определения и в неправильном написании — *поне*. Форма имен. и вин. падежей мн.ч. *степенна* не может относиться к парадигме существительного женского рода *степенна*, но однозначно предполагает начальную форму среднего рода *степенно* (кстати, частеречная трактовка этой лексемы как существительного не согласуется с квалификацией *стиховънѣ*, *стиховъна* как субстантивированного прилагательного); к женскому роду не может быть приписана и форма вин. падежа мн.ч. *стихира* — морфологическая калька греческого *neutrum τὰ στιχῆρα*. Формы *спъсноую*, *спъспынок*, *спъспана* не являются страдательными причастиями от *спъпати*, а относятся к прилагательному *спъспыни* 'спасительный', образованному с помощью суффикса *-ни-* от существительного *спъспъ*.

Иногда в словоуказателе наблюдается неверное определение форм: так, *вѣдцѣ* 58.17 и *насъ* 45.8, 91.13 при глаголах с приставкой *при-* являются формами не дательного или родительного, а местного падежа; форма *овъча* в контекстах *гависа по насъ тако овъча* и *водан тако овъча носифа* — конечно, не мн. число, а единственное, причем в первом случае — не вин. падеж, а именительный; *оутръни* в сочетании *на конь(ц) оутръни* — правильная форма дательного, а не инновационная родительного; *станѣмъ* — не будущее время, а повелительное наклонение, *сѣмѣрахахъсѣ* — классический имперфект без стяжения, а не аорист (как и «аорист» *сѣмѣрахъ* в сокращенном инципите *Аще не сѣмѣрахъ*, явно тождественном инципиту *Аще не сѣмѣрахахъсѣ*); форма *оустоупааша* при подлежащем *ишанъ* никак не может рассматриваться в качестве мн. ч. имперфекта (у имперфекта 3-е л. мн. ч. оканчивалось на *-аху*) — это, несомненно, описка вм. *оустоупааше* (3-е л. ед. ч.). В памятнике нет союза *что*, и все интерпретированные таким образом формы в действительности являются обычным вин. падежом местоимения — либо в роли второго (предикативного) объекта (*Что вы наречемъ свѣтин*), либо в функции винительного причины (*рахиа что въздыхаетъ* и др.).

Порой неверная идентификация формы связана с непониманием лексемы и контекста; так, например, формы *овидеть* и *овиде* не имеют никакого отношения к глаголу *овидѣти* — это соответственно наст. время и аорист глагола *овити* 'обойти'; форма *отъмещетсѣ* (в контексте *<отъм>ещетсѣ оучителя* 'отрекается от учителя') принадлежит глаголу *отъметатисѣ*, а не *отъмышатисѣ* 'быть отмщаемым'; форма императива *раждени* никак не связана с глаголом *раждеши* 'разжечь' — это регулярное образование от *разгънати* (ср. контекст: *Мрачьнымъ* [вм. *Мрачьнок?*] *хе дша мока · раждени* 'Мрак души моей, Христе, разгони', греч. *Τὸ ζοφερόν... διασκέδασον*); форма *ретивы* в конструкции *вселенью овѣати златоусте... ретивы ны на вѣгъство црства нѣснаго* — отнюдь не прилагательное *ретивыи*, а стяженная форма причастия прош. времени от глагола *ретити* 'побудить', ср. греч. *θελῶν ἡμᾶς*. Форма *потърплеть* помещена в указателе под леммой *потърпѣти*, рядом с аористом *потърпѣхъ*, однако этот глагол IV класса может иметь в 3-м л. ед. ч. наст. вр. только окончание *-нть* (*потърпнть*), да и исходя из контекста действие, выраженное сказуемым *потърплеть*, не может быть ассоциировано с терпением, ср.: *Къто не потърплеть оумъмъ оудивальсѣ*; сопоставление с греческим (*Τίς μὴ νορκήσῃ* '(Кто не) оцепенеет' и с зафиксированными в русских исторических словарях лексемами *оутърпати* 'ослабевать', *оутърпноути* 'ослабеть; оцепенеть', *отърпноути* 'онеметь, одеревенеть' с бесспорностью свидетельствует о том, что здесь представлен ранее не регистрировавшийся глагол, инфинитив которого реконструируется различно в зависимости от того, признаем ли мы возможность спряжения глаголов на *-ноу-* по III классу, т.е. либо как *потърпати* (*потърплешн*), либо как *потърпноути* (*потърплешн*). Формы имен. падежа и мест. падежа мн. ч. *лиц* и *лицѣхъ* (от *ликъ*) ошибочно отнесены к парадигме *лице* (и, таким образом, согласно издательнице, форма подлежащего в предложении *аггльстини лица проповѣдахоу* означает «ангельские лица», а священномученик Власий «явился» «в лицах старостотерпцев»!). Особенно затруднительной для понимания оказалась стихира, начинающаяся словами: *Неначаи ма житиѣ ради · н оувѣдомаѣ нрава ради · муроносѣши · приде къ тебѣ въпнющи* (с. 268). В издании «Древнерусского кондакаря» этот текст напечатан по тому же списку и с немецким переводом, однако без греческого [Der altrussische Kondakar' 2004: 276]. Как немецкие издатели, так и С.В. Петрова рассматривают первое слово в качестве определения к *житиѣ*, т.е. как прилагательное в род. падеже ед. ч.

среднего рода, что дает несколько странный смысл – «из-за безнадежной жизни» (ср. немецкий перевод: «Um des unerhofften Lebens... willen»). Однако второе определение, **оувѣдома**, уже явно не может служить атрибутом к **нрава**; впрочем, это обстоятельство ни малейшим образом не смутило Г. Роте и его коллег, и они при переводе легко соединили две несогласуемые формы в одно словосочетание: «(Um) der erlebten Gesinnung willen» («из-за испытанного (познанного?) нрава»). С.В. Петрова в данном случае обоснованно исходила из грамматики славянского текста и интерпретировала **оувѣдома** как имен. падеж ед. ч. женского рода причастия, правда, связав это причастие с несуществующим глаголом **оувѣсти** (вместо правильного **оувѣдѣти**). Между тем очевидный параллелизм конструкций **Неначакма житиѣ ради** и **оувѣдома нрава ради** заставляет признать в **Неначакма** такую же форму имен. пад. жен. рода, как и **оувѣдома**, только нечленную. В результате обратного перевода на греческий язык и обращения к инципитарию Э. Фоллиери [Follieri 1960–1966] мы обнаружили оригинал стихир, который полностью подтвердил предположение, основанное на структуре славянского текста, и внес ясность в грамматику и семантику: (‘Н ὀλεῖν ὡς μένῃ διὰ τὸν βίον καὶ ἐλεῖν ὡς μένῃ διὰ τὸν τρόπον букв. ‘Отчаявшаяся из-за (своей) жизни и признанная (т.е. принятая Христом) благодаря (своему) нраву’. Греческий оригинал показал также, что эдиционной фикцией (присутствующей в обоих изданиях стихир) является сложное слово **мүроносѣщи** (ср. инфинитив **мүроносити** в словоуказателе): на самом деле это словосочетание **мүро носѣщи** – τὸ μύρον βασιτάζουσα.

Соблюдение третьего критерия при выборе заголовочной формы приводит к объединению под одной леммой форм, фонематическое (а следовательно, и лексическое) тождество которых отнюдь не бесспорно: так, под одним заголовком оказываются **аггелъ** и **ангелъ** (s.v. **аггелъ** – при том что прилагательное **ангеловъ** обнаруживается на другой странице), **трапеза** и **трапѣза** (впрочем, под леммой **трапѣза** помещена только одна форма с огласовкой **траѣ-**, а остальные семь все-таки выделены в статью **трапѣза**!). Составитель указателя систематически объединяет старославянские и древнерусские образования, видимо, считая их графико-орфографическими вариантами, но при этом нередко нарушает и принцип древности, и принцип частотности: так, формы с основой **ѣд-** (4 примера) помещены под древнерусской леммой **ѣсти** (не **ѣсти**, поскольку в тексте трижды зафиксировано написание с **к**), **жерѣбѣти** и **жерѣбѣте** (по одному примеру) –

под церковнославянским **жрѣва**, **наслажатисѣ** (отмеченное в тексте два раза) и **наслаждатисѣ** (встретившееся только раз) включены в статью **наслаждатисѣ**, под церковнославянскими огласовками объединены **одежа** и **одежда**, **порождѣни** и **праздѣни**; наблюдается даже соединение трех лексем под одной леммой: к заголовку **щюждын** подверстаны также **чюжин** и **чюждын**. В то же время слово **временѣни** разбито на две леммы – с восточнославянским обозначением неполногласного сочетания (**временѣни**) и с исконным старославянским обозначением (**врѣменѣни**). Едва ли правомерно объединение лексем с разным вокализмом – **шетаник** и **шатаник**. Очевидно неверно осуществленное без каких-либо оговорок в комментарии подключение к лемме **сѣщеномѣченикъ** формы **сѣщеномѣчениче** (греч. ἱερομύστης; ср. статью **священноученикъ** в [Сл XI–XVII], а также существительное **жченикъ** – μύστης в Ильиной книге [Ильина книга 2005: 450, 451]).

Таким образом, непоследовательность, неточности и прямые ошибки, встречающиеся в указателе, не позволяют нам безоговорочно согласиться с высокой оценкой этого труда, представляющего, по мнению первого рецензента рассматриваемого издания, «самостоятельную научную ценность» [В.Ж. 2007: 319]. Научное значение словоуказателя к ТУ двояко: с одной стороны, он действительно отражает не только весь словарный состав памятника, но и все словоформы, с другой стороны, отражение это нельзя признать вполне корректным (в частности, даже не все новые лексемы, отсутствующие в исторических словарях, идентифицированы), и, следовательно, важная роль указателя заключается в том, чтобы предостеречь будущих исследователей от следования общим принципам и повторения многих конкретных решений, принятых С.В. Петровой.

Третий том рецензируемого издания включает исследования о ТУ. Безусловно заслуживает одобрения перепечатка ряда давних, но не утративших актуальности работ: так, в томе переиздаются фрагменты из статьи Н.Н. Дурново «Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка» (1924–1927), из книги В.М. Металлова «Богослужбное пение русской церкви в период домонгольский» (1912), из «Полного месяцеслова Востока» архиеп. Сергия (1901), из монографии И.Д. Мансвetoва «Церковный устав (типик): его образование и судьба в греческой и русской церкви» (1885); с дополнениями перепечатана статья Б.А. Успенского «Древнерусские кондакари как фонетический источник» (1973), с редакционными изменениями – статья Г.И. Вздорнова

«Рисунки на полях Типографского Устава» (1972). Специально для настоящего издания написаны статьи В.С. Голышенко «Палеографическое описание Типографского Устава», М.А. Волчковой «Вторая реставрация Типографского Устава», Е.В. Гладышевой «Типографский Устав: судьба рукописи в XX веке», С.В. Петровой «Грамматическая и текстологическая вариативность в древнерусских кондакарях», Е.В. Ухановой «Древнейшая русская редакция Студийского устава: происхождение и особенности богослужения по Типографскому списку»; центральное место в книге занимает обширная статья (по сути – монография) Т.Ф. Владышевской «Типографский Устав и музыкальная культура Древней Руси XI–XII веков». Помещенные в томе материалы охватывают различные аспекты изучения памятника – палеографический, реставрационно-технический, лингвистический, музыковедческий, искусствоведческий, литургический. Комплексный подход к источнику, столь редкий в медиевистических исследованиях, обуславливает несомненную привлекательность и ценность тома для специалистов в разных областях. Однако рецензент, не будучи сведущим в большинстве затронутых проблем, коснется далее только некоторых вопросов, имеющих отношение к лингвистической характеристике памятника.

Прежде всего приходится заметить, что том исследований оставил нерешенной проблему датировки рукописи. Как известно, в «Сводном каталоге» ТУ датируется концом XI – началом XII в. [Сводный каталог 1984: 88]; эта же датировка вынесена и в подзаголовок нынешнего издания. Между тем детальное палеографическое описание рукописи, проведенное В.С. Голышенко, не позволило ей прийти к выводам, более определенным, нежели датировка XI–XII веками (т.е. двумя столетиями, а не их рубежом): по мнению исследовательницы, «художественный облик рукописи ТУ не противоречит отнесению времени ее создания к XI–XII вв.» (с. 22), а «начертание букв, выполняющих роль палеографических примет, свидетельствует о принадлежности письма ТУ ко времени не позднее XI–XII вв.» (с. 26); с этими осторожными выводами не очень согласуется ссылка на О.А. Князевскую, которая в результате палеографических наблюдений «также подтвердила датировку ТУ концом XI – началом XII в.» (с. 27). Следующая датировка, фигурирующая на страницах III тома, восходит к устному замечанию авторитетнейшего палеографа Н.Б. Тихомирова, который сообщил Г.И. Вздорнову, что ТУ «написан не позднее первой половины XII века, вероятно всего в конце первой или в начале второй четверти

этого столетия» (с. 213) – т.е. приблизительно в 1120–1130 гг. Наконец, Е.В. Уханова, исходя главным образом из исторических соображений, датирует кодекс временем вскоре после начала 1110-х гг. (с. 245). Думается, что дополнительная аргументация в пользу рубежа XI–XII вв. или второй четверти XII в. могла бы быть почерпнута из орфографического анализа памятника на фоне других, более точно датированных рукописей того времени (см., например, орфографические признаки рукописей XI – начала XII в., сформулированные в книге [Живов 2006: 28]).

Второй момент, на котором мы хотели бы вкратце остановиться, – оценка записей на полях рукописи и их значения для истории кодекса. Т.Ф. Владышевская и Е.В. Уханова, основываясь на двух записях, – *микоулины книги* (кириллической) и *михалъ псалъ микжле* (глаголической), выстраивают в значительной степени несогласующиеся гипотезы. Музыковед полагает, что «рукопись была написана для какого-то монастыря», а заказчик, Микула, – «возможно, игумен монастыря, для которого писали устав» (с. 187, 188). Историк – несколько непоследовательно – считает, что рукопись «создавалась не для вклада в монастырь, а для конкретного человека, но это не противоречит предназначению устава для использования в Свято-Духовом монастыре» (с. 244); Микула, по мнению Е.В. Ухановой, – новгородский посадник, заказавший монастырский сборник после ухода с должности, возможно, в связи с «решением отказаться от мирской жизни» (с. 245). Заметим, что предположение Т.Ф. Владышевской, согласно которому множественное число «Микулины книги» «говорит о том, что в его владении были и другие книги» и что «под словами “Микулины книги” имеется в виду одна из первых русских библиотек XI–XII вв., принадлежавших игумену монастыря – Микуле» (с. 188), небесспорно: существительное *кѣнигы* изначально входило в группу *plurilia tantum* и могло обозначать всего одну книгу, ср. соответствующее употребление в записях к Изборнику 1076 г., сентябрьской Минее ок. 1095 г. и Стихирарю 1156–1163 гг. [СДРЯ, IV: 352]. Вызывает возражения и некритично воспринятая Е.В. Ухановой от Л.В. Столяровой на удивление поздняя датировка Ильиной книги 1175–1185 годами (с. 248), противоречащая и графико-палеографическим, и языковым особенностям рукописи: в частности, Л.В. Мошкова и А.А. Турилов отмечают, что рукопись, «по всей вероятности, не моложе новгородских миней 1090-х гг., но, в отличие от них, написана каллиграфическим уставом круга Изборника 1073 г. и Мстиславова Евангелия» [Мошкова, Турилов 2003: 43–44].

Итак, в распоряжение специалистов по различным гуманитарным наукам предоставлено монументальное издание важнейшего древнерусского памятника. Наши замечания показывают, что даже не все языковые особенности этого источника к настоящему времени достаточно изучены; можно надеяться, что введение в научный оборот факсимильного и наборного изданий ТУ вкупе с комментариями, словоуказателем и сопутствующими статьями существенно активизирует всестороннее исследование Типографского устава⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В.Ж. 2007 – В.Ж. Типографский устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века / Под ред. Б.А. Успенского. Т. 1–3 // Русск. яз. в научн. освещении. 2007. № 1.
- Дурново 1924 – Н.Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // ИФ. 1924. IV.
- Живов 2006 – В.М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.
- Зализняк 2004 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- ИИБ – «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский пер. / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. 1–2. М., 2004.
- Ильина книга 2005 – Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131: Лингвистическое издание, подгот. греч. текста, коммент., словоуказатели В.Б. Крысько. М., 2005.
- Истрин 1930 – В.М. Истрин. Книги временные и образные Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе. Т. III: Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Л., 1930.
- Крысько 1998 – В.Б. Крысько. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // ВЯ. 1998. № 3.

⁷ Работа выполнена в рамках проекта «Ранние славянские гимнографические тексты: источники и реконструкция», поддержанного Отделением историко-филологических наук РАН (Программа фундаментальных исследований «Русская культура в мировой истории»); считаем также своим приятным долгом поблагодарить за поддержку Фонд содействия отечественной науке.

- Крысько 2006 – В.Б. Крысько. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006.
- Мошкова, Турилов 2003 – Л.В. Мошкова, А.А. Турилов. «Плоды ливанского кедра». [М.], 2003.
- Сводный каталог 1984 – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–VII. М., 1988–2004.
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.
- Соболевский 2006 – А.И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006.
- Срезн. – И.И. Срезневский. Словарь древнерусского языка: Репринт. изд. Т. I–III. М., 1989.
- Успенский 1973 – Б.А. Успенский. Древнерусские кондакари как фонетический источник // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1973.
- Черный 1885 – Э. Черный. Греческий синтаксис гимназического курса, изложенный сравнительно с русским и латинским. М., 1885.
- Der altrussische Kondakar' 1977–2004 – Der altrussische Kondakar' / Hrsg. von A. Dostál, H. Rothe. T. III: Das Kirchenjahr 1. September bis November. Giessen, 1977; T. IV: Das Kirchenjahr 2. Dezember bis März. Giessen, 1979; T. V: Das Kirchenjahr 3. April bis August. Giessen, 1980; T. VI: Triodion. Pentekostarion. Köln; Wien, 1990; T. VII: Oktoechos. Köln; Weimar; Wien, 2004.
- Follieri 1960–1966 – H. Follieri. Initia hymnorum Ecclesiae graecae. V. I–V. Città del Vaticano, 1960–1966.
- Gottesdienstmenäum 1996–2006 – Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember / Hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin. T. 1–4. Opladen; Wiesbaden; Paderborn etc., 1996–2006.
- Gottesdienstmenäum 2003 – Gottesdienstmenäum für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). T. 1: 1. bis 9. Februar / Hrsg. von H. Rothe. Paderborn etc., 2003.

В.Б. Крысько